

ТЕМА В ФОКУСЕ

Е.А. Степанова*

ТРАНСНАЦИОНАЛЬНЫЙ ТЕРРОРИЗМ СПУСТЯ 10 ЛЕТ ПОСЛЕ ТЕРАКТОВ 11 СЕНТЯБРЯ: СПАД, ПОДЪЕМ ИЛИ ТРАНСФОРМАЦИЯ?

В статье, посвященной десятилетней годовщине терактов 11 сентября 2001 г., рассмотрена эволюция того типа терроризма, который ассоциируется с «Аль-Каидой» и движением «глобального джихада». Автор анализирует такие подходы к исследованию терроризма этого типа, как «аль-кайдаизация» и «регионализация», и выдвигает так называемый посткаидовский подход. Подчеркивается, что, несмотря на приоритетное международное внимание в начале XXI в. к терроризму, связанному с «Аль-Каидой», в мире преобладает терроризм, применяемый в контексте вооруженных конфликтов во имя целей, которые не выходят за рамки локально-регионального контекста. Автор приходит к выводу, что вне зависимости от того, какой вид террористической активности будет в центре международного внимания в последующие десятилетия, в условиях информационного общества роль терроризма как наиболее асимметричного и коммуникационно-ориентированного вида политического насилия будет возрастать.

Ключевые слова: транснационализация терроризма, «Аль-Каида», посткаидовское движение, терроризм в локально-региональных конфликтах, асимметричный конфликт, одностороннее насилие, сетевые структуры.

Теоретически десятилетняя годовщина беспрецедентных по масштабу и информационно-политическому эффекту терактов 11 сентября 2001 г. в США могла бы стать временем подведения некоторых итогов относительно того, что мы знаем о современном транснациональном терроризме и эффективности так называемой борьбы с ним. Однако реальность такова, что не вписывается ни в одну линейную схему, и ключ к ее пониманию — не столько в фиксации некоего устоявшегося, статичного феномена, тем более в глобальном масштабе, сколько в наблюдении за весьма динамичным процессом, а вернее, процессами развития разных форм современного

---

* Степанова Екатерина Андреевна — д.п.н., ведущий научный сотрудник, руководитель Группы по исследованию проблем мира и конфликтов Отдела международно-политических проблем Института мировой экономики и международных отношений Российской академии наук (ИМЭМО РАН) (e-mail: stepanova@imemo.ru).

терроризма¹. Среди этих нелинейных процессов — продолжающаяся транснационализация терроризма на разных уровнях мировой политики и размывание грани между такими традиционными категориями, как «внутриполитический» и «международный» терроризм; постоянное формирование новых контекстных локально-региональных условий для вспышек террористической активности, дальнейшая эволюция и видоизменение ее преобладающих идеологических форм; ускоренное развитие смешанных, сетевых и постсетевых организационных моделей вооруженных акторов, практикующих террористические методы; совершенствование тактических приемов, средств и методов технического, финансового, а главное — информационно-коммуникационного обеспечения терактов, расширение круга их мишеней.

И все это — на фоне более широких и более важных процессов в мировой политике, включая формирование плотного «глокального» (глобально-локального) информационно-политического пространства и новых возможностей манипулирования им; подъем одностороннего — прямого и преднамеренного — насилия против гражданского населения на фоне спада крупных конвенциональных войн и боевых потерь в таких войнах; общий рост асимметричного насилия в форме «нового интервенционизма» как со стороны ведущих государств и их объединений, так и со стороны размножившихся и продолжающих активизироваться негосударственных игроков на разных уровнях мировой политики. Если в самом начале XXI в. наиболее динамично развивавшимся и набиравшим силу видом современного насилия представлялся именно терроризм, то в начале второго десятилетия нынешнего века на первый план в качестве генератора такой динамики все чаще стали выходить менее организованные, но более массовые формы полуспонтанного насилия и протеста от социально-политического до полукриминального.

При всем многообразии проявлений современного терроризма в центре международного внимания в начале XXI в. оставалась та его идеологическая и организационная разновидность, катализатором распространения которой стали теракты 11 сентября 2001 г., т.е. широкое транснациональное антисистемное сетевое движение религиозно-идеологического типа. Для его обозначения в этой статье вынужденно используется пусть и не вполне корректный, но краткий термин — движение «глобального джихада». Первый,

---

¹ Терроризм — преднамеренное применение или угроза применения насилия против гражданского населения ради достижения политических целей путем давления на государство и общество. Подробнее об определении терроризма и его отличии от других форм насилия, в том числе от повстанческих атак по военным целям, государственного террора и криминального насилия, см.: [2, с. 29—37; 3].

вводный раздел статьи посвящен краткому обзору некоторых общих тенденций в области террористической активности первого десятилетия XXI в., в том числе в контексте более широких процессов в области вооруженного насилия. Во втором, основном разделе подробнее рассмотрена эволюция той разновидности терроризма, которую в той или иной мере связывают с «Аль-Каидой».

Терроризм: транснационализация и фрагментация

В начале XXI в. все основные количественные показатели террористической активности в мире значительно возросли. Это в первую очередь относится к числу терактов, а также к показателям смертоносности терроризма (числу убитых, росту доли атак с массовыми жертвами и атак, совершенных террористами-смертниками, от общего числа терактов). Так, по одним данным, число терактов за десятилетие с 1999 по 2008 г. возросло более чем в 3,5 раза (рис. 1), а по другим — количество терактов и убитых в них за период с 1998 по 2007 г. увеличилось в 5 раз [39]. При этом события 11 сентября 2001 г. в США не стали пиком террористической активности за десятилетие. Наиболее резкий ее рост пришелся на период с 2003—2004 гг., т.е. уже в разгар международной кампании по борьбе с терроризмом во главе с США.

Однако количественные параметры терроризма лишь частично отражают реальное значение и динамику этого наиболее асимметричного вида вооруженного насилия, непрямого дестабилизирующего эффект которого, как правило, значительно превышает его непосредственный ущерб. Кроме того, количественные параметры

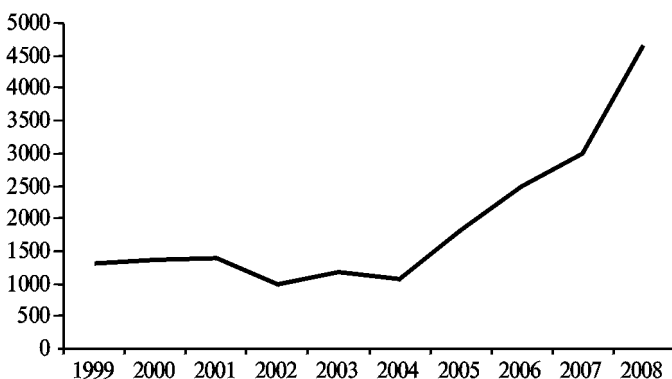

Рис. 1. Число терактов в мире, 1999—2008 гг.

являются лишь проявлением более важных качественных тенденций в области терроризма и вооруженного насилия в целом. За последние два десятилетия эти тенденции в мире носили разнонаправленный характер. Например, сокращение общего числа конфликтов, особенно с участием государств (на 40% с начала 1990-х до середины 2000-х гг.), частично компенсировалось за счет относительного подъема других форм и методов вооруженного насилия, включая терроризм.

Основными направлениями изменений в динамике, структуре и характере организованного вооруженного насилия в конце XX — начале XXI в. стали две противонаправленные, но диалектически взаимосвязанные тенденции — одновременные *транснационализация* и *фрагментация* насилия разных видов и на разных уровнях мировой политики.

Например, в условиях, когда даже те вооруженные террористические группировки, цели которых не выходят за рамки локального контекста, все активнее *транснационализируют* различные аспекты своей деятельности, механическое разграничение между «внутриполитическим» и «международным» терроризмом теряет смысл. Актуальнее говорить о разных уровнях и степени транснационализации терроризма, которые определяются прежде всего масштабом конечных целей группировки — локально-региональным или глобальным [40]. Транснационализацию терроризма на разных уровнях облегчает и распространение сетевых структур среди негосударственных игроков: чем сильнее системы организации террористов отличаются от организационно-структурных моделей их основных противников, тем сложнее государствам и сообществам государств противостоять им.

Одним из основных проявлений *фрагментации* организованного насилия в мире стал относительный рост роли вооруженных негосударственных игроков разных типов и уровней — от локальных группировок до транснациональных сетей. В отличие от конфликтов с участием государств и между ними (число таких конфликтов сократилось), в динамике вооруженного насилия, которое не инициируется государством или в котором государство напрямую не участвует, т.е. насилия со стороны негосударственных игроков или борьбы между ними, не наблюдалось выраженного спада. С одной стороны, например, вооруженные столкновения между негосударственными игроками менее смертоносны, чем конфликты с участием государств. С другой стороны, объектом террористической деятельности негосударственных акторов все чаще становятся не столько их прямые вооруженные оппоненты (комбатанты), сколько мирные граждане [11].

Эта тенденция особенно ярко выражена в динамике *одностороннего насилия против гражданского населения*. В отличие от собственно конфликта (военных действий, которые нацелены на противостояние вооруженному оппоненту, хотя могут привести и к ненамеренным, «побочным» гражданским потерям), одностороннее насилие — это *намеренное* применение вооруженных методов борьбы против гражданского населения — в ходе терактов, этнических чисток, геноцида и т.д. Львиная доля одностороннего насилия — 88% акций такого рода (в том числе терактов) и 99% убитых в них — приходится на страны, втянутые в вооруженные конфликты [37, р. 14; 11, р. 237], однако главная отличительная черта одностороннего насилия состоит в том, что оно сознательно направлено против невооруженных людей, не способных себя защитить.

Принципиально новая тенденция начала XXI в., не имевшая аналогов в XX в., — это переход ведущей роли в одностороннем насилии от государств к негосударственным вооруженным игрокам. За последние 20 лет негосударственные игроки составили 70,5% всех акторов одностороннего насилия. Если до 2001 г. большая часть его жертв все еще приходилась на счет государств (в основном благодаря непропорциональному влиянию на общую статистику данных о геноциде со стороны правительственных сил Руанды в 1994 г.), то с 2001 г. ответственность за большинство убитых в результате одностороннего насилия каждый год несли уже негосударственные акторы (рис. 2) [24]. Это соотношение варьирует от региона к региону: если в Африке и Азии в начале XXI в. оно составляет почти 1:1, то в Европе, обеих Америках и на Ближнем и Среднем Востоке негосударственные игроки в одностороннем порядке убивают гораздо больше людей, чем государства [24]. Активизация одностороннего насилия со стороны негосударственных игроков в начале XXI в. и переход к ним лидирующей роли в таком насилии в немалой степени связаны с ростом их террористической активности, ставящей под удар в первую очередь именно мирное население и гражданские объекты.

Терроризм является одной из разновидностей одностороннего насилия против гражданского населения, однако он выходит за эти рамки. Терроризм — это использование акта или угрозы одностороннего насилия как инструмента давления на превосходящего в военной силе вооруженного противника (государство, группу или блок государств). Иными словами, это не прямое вооруженное противостояние более сильному (и более высокому по статусу) противнику, а ведение такого противостояния *опосредованно*, с помощью непропорционального дестабилизирующего эффекта односторонних ударов по гражданскому населению. Это, с одной стороны, отличает терроризм от конфликта как прямых военных

Рис. 2. Число убитых в результате одностороннего насилия со стороны государств и негосударственных акторов, 1989—2008 гг.

действий между комбатантами (в том числе от партизанских атак по военным объектам противника), а с другой — объясняет, почему терроризм так тесно связан с вооруженными конфликтами и наиболее часто применяется *именно в контексте вооруженных конфликтов*.

Исходя из уровня и масштаба политико-идеологических целей террористических организаций и их действий в контексте вооруженного конфликта или вне его, можно выделить три типа современного терроризма: (а) терроризм как тактику в локально-региональных конфликтах; (б) «глобальный терроризм» как тактику акторов, преследующих глобальные, неограниченные цели в противостоянии международной системе (например, действия ячеек транснационального движения, вдохновленного «Аль-Каидой»); (в) терроризм леворадикального, правоэкстремистского, экологического и иного толка, не связанный с вооруженными конфликтами («терроризм мирного времени»).

Несмотря на рост международного внимания к «глобальному терроризму» после событий 11 сентября 2001 г. и на то, что данная конкретная статья посвящена эволюции терроризма именно этого типа, следует помнить, что преобладающим контекстным типом террористической активности сегодня остается *терроризм как тактика (одна из тактик) вооруженного противостояния в локально-региональных конфликтах*. При этом если на глобальном уровне на первый план в качестве идеологической базы современного транснационального терроризма в начале XXI в. вышла специфическая

разновидность религиозного экстремизма (идеология «глобально-го джихада»), то на локально-региональном уровне доминирует националистический и смешанный (религиозно-националистический) терроризм. Он служит тактикой в локально-региональных конфликтах в контексте (а) противостояния внешнему вооруженному вмешательству в ослабленных или нефункциональных государствах (Ираке, Афганистане, Сомали и т.д.) и (б) сепаратистской борьбы против функциональных государств (например, Индии, Китая, России, Таиланда, Филиппин). По совокупности показателей террористической активности в начале XXI в. с большим отрывом лидирует Ближний и Средний Восток (в основном благодаря резкому росту террористической активности в Ираке после интервенции США в 2003 г.), за которым следует Южная Азия (в первую очередь из-за террористической активности в Афганистане, Пакистане и Индии). В целом сравнительные показатели терроризма больше всего ухудшились именно в тех странах, которые стали основной мишенью «войны с терроризмом», — Ираке, Афганистане и Пакистане: по некоторым данным, в конце 2000-х гг. на них приходилось 44% всех терактов в мире (рис. 3) [14].

Важно отметить, что любые связи и параллели между террористическими акторами, цели которых ограничены локально-региональным контекстом, и транснациональной сетью с подчеркнута глобальными целями типа сетевого движения «глобального джи-

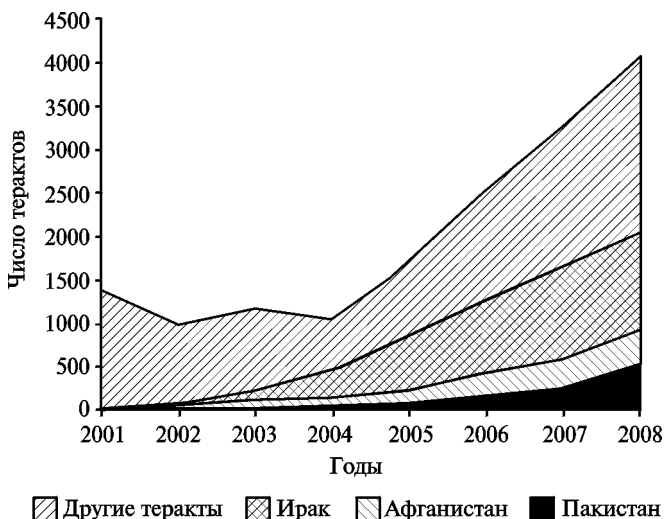

Рис. 3. Число терактов в Ираке, Афганистане и Пакистане от общего числа терактов в мире, 2001—2008 гг.

хада» не означают их слияния. На разных уровнях мировой политики параллельно развиваются различные типы терроризма, демонстрирующие разные сочетания транснационализации и фрагментации. Эти виды терроризма могут быть взаимосвязаны, но при этом каждый из них демонстрирует собственную, автономную динамику. Таким образом, речь идет не о противостоянии некоей единой всемирной террористической сети, интегрированной от глобального до локального уровня, а о гораздо более сложной задаче — необходимости противодействия терроризму разных типов, практикуемому вооруженными акторами различной политико-идеологической ориентации, которые преследуют цели разного уровня.

«Аль-Каида» и движение «глобального джихада»

Многочисленные интерпретации так называемого джихадистского терроризма аль-каидовского типа, распространившиеся в экспертно-аналитической среде и политических кругах за десятилетие после событий 11 сентября 2001 г., можно подразделить на три основных подхода: (а) повальную «аль-кайдаизацию» любого терроризма с исламистским уклоном, (б) упор на трансформацию «Аль-Каиды» в направлении ее регионализации и дифференциацию между ее различными сегментами и (в) так называемый посткаидовский подход.

«Аль-кайдаизация»

После событий 11 сентября 2001 г. «аль-кайдаизация» терроризма разных типов на уровнях от локального до глобального на некоторое время стала преобладающим подходом как на Западе, так и во многих незападных странах, по крайней мере в политических кругах и на уровне неакадемических комментаторов и расплывшихся «экспертов» в области безопасности. Суть этого подхода — в упоре на вездесущность «Аль-Каиды» и абсолютизации представляемой ею террористической угрозы; в оценке транснационального «супертерроризма» аль-каидовского толка как доминирующего типа современного терроризма, который «пришел на смену» или вот-вот сменит другие его типы; в изображении «Аль-Каиды» как головы некоего спрута, руководящего и направляющего террористическую активность по всему миру, а буквально всех локально-региональных вооруженных группировок исламистского толка — как ее «передовых отрядов» и т.п.

Стоит ли говорить о том, что степень политизации в рамках этого подхода зашкаливала, даже по меркам традиционно политизированной аналитики в области терроризма. Этот подход отличали также спекулятивность и крайне слабая эмпирическая база. С на-

учной точки зрения «аль-кайдаизация» вообще не заслуживала бы серьезного обсуждения и изучения, если бы не послужила аналитической основой и информационно-пропагандистским обоснованием ряда далеко идущих мер и действий в области внутренней и внешней политики безопасности, предпринятых под флагом «борьбы с терроризмом» США, их западными союзниками и рядом других ведущих стран мира. Эти действия имели не только пагубные последствия для международной и региональной безопасности (особенно на Среднем Востоке и в Южной Азии), но и, как было отмечено ранее, вполне конкретный и хорошо поддающийся исчислению *контрпродуктивный* эффект в области собственно борьбы с терроризмом. Примерами могут служить беспочвенные попытки Вашингтона связать «Аль-Каиду» с правившим в Ираке режимом С. Хусейна, ставшие одним из обоснований вооруженной интервенции во главе с США и последующей оккупации Ирака, а также систематическое преувеличение роли транснациональных «джихадистов» в локальной повстанческо-террористической активности многочисленных группировок смешанного исламистско-националистического (как несепаратистского, так и сепаратистского) толка в разных регионах мира, особенно в Азии.

В международной экспертно-политической среде «аль-кайдаизация» ассоциировалась не только с неоконсервативными идеологами республиканской администрации Дж. Буша-мл., но даже с такими известными исследовательскими центрами, как Международный институт стратегических исследований в Лондоне. Реакция на этот вульгарный подход со стороны менее политизированной и более профессиональной части экспертно-академического сообщества развивалась по двум направлениям. Во-первых, с самого начала было ясно, что повальная и однозначная «аль-кайдаизация» всей сложной и многообразной мозаики вооруженных группировок исламистского толка, действующих в разных локально-региональных контекстах и на разных уровнях мировой политики, в значительной мере искусственна. Сомнения вызывали и попытки любой ценой найти или «изобрести» свидетельства прямого стратегического руководства со стороны лидеров «Аль-Каиды» действиями всех вооруженных исламистов (в том числе исламизированных сепаратистов), финансирования этих действий «Аль-Каидой» и т.д. В качестве альтернативы — даже в анализе транснационального терроризма исламистского толка, ассоциирующего себя с «Аль-Каидой», использующего ее «бренд» и вдохновленного ее подчеркнуто транснациональной идеологией (так называемого движения «глобального джихада») — все чаще выдвигали подходы, основанные на более серьезном эмпирическом анализе (например, в работах М. Сэджмана [29; 31]), большем внимании к региональ-

ной специфике и дифференциации в рамках движения «глобального джихада» (например, эволюция взглядов Б. Хоффмана [17]), а также разграничении между этим движением и локальными группировками исламистского или смешанного исламистско-националистического толка. Во-вторых, после событий 11 сентября террористические сети под «брендом» «Аль-Каиды» развивались настолько динамично, что аналитика зачастую просто не поспевала за темпами их трансформации. К концу 2000-х гг. уже вряд ли у кого-то остались сомнения в том, что они сильно отличаются от «Аль-Каиды» образца 11 сентября 2001 г.

На этом фоне к началу нового десятилетия элементы примитивной «аль-кайдаизации» сохранялись лишь на уровне некоторых таблоидных СМИ, псевдоэкспертной публицистики и отчасти политической риторики, особенно в ряде западных стран (от Израиля до Индии). Несмотря на академическую и политическую дискредитацию этого подхода, он и по сей день просматривается в работах и комментариях отдельных известных авторов, например Рохана Гунаратны [15]. Недавним примером может служить поспешная, но почти автоматическая оценка экспертом в области терроризма М. Рансторпом масштабного теракта в Норвегии, совершенного правым экстремистом А. Брейвиком в июле 2011 г., как «дела рук “Аль-Каиды”» [33]. В целом же в области анализа основных форм современного транснационального терроризма на смену «аль-кайдаизации» пришли подходы, ставящие во главу угла дифференциацию и трансформацию «Аль-Каиды».

Регионализация

Подходы, изучающие *трансформацию и дифференциацию* терроризма как тактики движения «глобального джихада», катализатором которого стала «Аль-Каида», в целом отличает более нюансированный и контекстный характер. В последнее время именно такие подходы стали доминировать в экспертной среде и политических кругах Запада (особенно после прихода к власти в США администрации Б. Обамы и пересмотра американской антитеррористической стратегии именно в этом направлении) и получают все большее распространение в международно-политическом сообществе, по крайней мере на уровне ООН.

В изучении трансформации и дифференциации основной формы современного терроризма «глобалистского» толка, которой пока остается движение «глобального джихада», можно выделить два направления — умеренное и радикальное.

Согласно умеренным интерпретациям, которые более широко распространены, трансформация первоначальной «Аль-Каиды»

в основном пошла по пути *регионализации* — вплоть до того, что на данном этапе не столько «центральное» руководство «Аль-Каиды», сколько тесно аффилированные с ней группировки, базирующиеся, например, в Йемене или Сомали, стали основными «центрами силы» в рамках движения «глобального джихада».

Согласно второму, более радикальному направлению пересмотра роли и места «Аль-Каиды» в современном транснациональном терроризме, сама по себе «Аль-Каида» уже давно сыграла свою роль, и рассматривать ее как конкретную организацию следует, скорее, в прошедшем времени, тогда как в настоящем речь должна идти о сетевом «*посткаидовском движении*». Его основными ячейками являются не столько устойчивые организованные группировки «региональных филиалов» (будь то в Магрибе или в районе Африканского Рога), с головой погруженные в свои локально-региональные контексты, сколько небольшие полу- или полностью автономные «авангардные» ячейки радикальных исламистов с подчеркнута глобальной повесткой дня, чаще всего возникающие в самих западных странах. Вторая, «посткаидовская» интерпретация менее распространена, однако это не мешает автору данной статьи придерживаться ее и активно продвигать [35; 3]. Тем не менее начнем с доминирующего подхода, ставящего во главу угла регионализацию «Аль-Каиды».

Основная идея в рамках этого подхода состоит именно в смещении центра активности «Аль-Каиды» от ее исторического/идеологического «ядра» в сторону нескольких региональных филиалов, однако термин «регионализация» не исчерпывает всей сути данного подхода. Обычно в его рамках выделяют три организационно-оперативных уровня движения: (а) собственно «Аль-Каиду» («ядро» «Аль-Каиды»); (б) ее региональные филиалы — несколько вооруженных группировок в разных регионах прежде всего мусульманского мира, открыто и напрямую ассоциирующих себя с «Аль-Каидой», и (в) микроячейки и активных сторонников, организующих теракты, в том числе в индивидуальном порядке, во имя целей «Аль-Каиды» и вдохновленных ее идеологией, но, как правило, не связанных с ней организационно [5; 21].

«*Ядро*» «Аль-Каиды». Одна из особенностей данного подхода — в признании им за историческим «ядром» «Аль-Каиды» не только важного символического идеологического значения, но и, даже спустя 10 лет после терактов 11 сентября, определенной оперативно-стратегической и прямой руководящей роли. Под историческим «ядром» «Аль-Каиды» понимают ее руководство времен рубежа веков, остатки которого ныне в основном базируются в районах вдоль афгано-пакистанской границы. Это «ядро» сложилось в результате формирования Усамой бен Ладеном и Абдуллой Аззамом сети

боевиков-добровольцев, в основном из арабских, а также других мусульманских и прочих, в том числе западных, стран для участия в антисоветском «джихаде» в Афганистане. К концу 1980-х гг. эта сеть насчитывала от 10 до 20 тысяч джихадистов. После окончания афганской эпопеи и гибели в 1989 г. палестинца А. Аззама, крупного теоретика и практика *массового* повстанческого движения за *освобождение* «мусульманских земель», контроль над координацией этой постепенно расплывавшейся по домам транснациональной сети остался за «финансистом» бен Ладеном — сторонником более амбициозной, глобальной и радикальной повестки дня («глобального джихада»), которая требовала настолько же радикальных методов, а также гибкой и сегментированной структуры. К началу XXI в. руководящее «ядро», или «базу» (араб. — «*аль-каиду*»), этой структуры, сохранявшей определенные элементы централизации, составляли ветераны афганского «джихада», среди которых доминировали египтяне и саудиты [5].

Сегодня ни у кого нет сомнений в том, что это «ядро», эта «Аль-Каида» «образца 2001 г.» за 10 лет претерпела серьезные изменения. Оценки ее нынешнего состояния могут варьировать даже среди сторонников «регионализации». Одни эксперты говорят о ее ослаблении и упадке вследствие международных антитеррористических усилий, гибели и ареста значительного числа бывших лидеров, а также идеологических вызовов, в том числе внутри мусульманского мира [8; 32]. Другие аналитики подчеркивают организационную и идеологическую стойкость «ядра» «Аль-Каиды» и способность к выживанию и трансформации даже под очень сильным внешним давлением. Однако вне зависимости от оценки все эти эксперты продолжают считать, что «центральная» «Аль-Каида» все еще реально существует как организованная группа [16; 17], которая сохраняет основные оперативные характеристики конкретной повстанческо-террористической организации непосредственно в районе основного базирования вдоль афгано-пакистанской границы (только в Пакистане насчитывая более 300 боевиков [23]) и, более того, оттуда продолжает напрямую направлять часть транснациональной террористической активности «джихадистского» толка, в частности, на территории самих западных стран (по некоторым оценкам, в 38% случаев крупных террористических инцидентов и раскрытых планов терактов в западных странах с 2004 г. [18]).

Подчеркнем, что важно понимать соответствующую политическую конъюнктуру и контекст такой точки зрения. В рамках этого контекста маловероятно, что большая часть экспертов, по крайней мере американских и западных, признала бы любую более смелую интерпретацию, например то, что «фактор “Аль-Каиды”» в основном свелся к роли политико-идеологического катализатора терро-

ристической активности определенного типа, что эту роль она уже давно и успешно сыграла, а ныне сохраняет больше символическое значение. Такая интерпретация, во-первых, лишила бы всякого оправдания военное присутствие США в Афганистане на протяжении большей части последних 10 лет (публично мотивируемого сохранением первостепенной опасности, представляемой именно «центральной» «Аль-Каидой»); во-вторых, не позволила бы списать на «фактор “Аль-Каиды”» и на ее «козни» с пакистанской территории все более очевидный провал или, мягко говоря, отсутствие серьезных и стабильных противобоевых и антитеррористических успехов США и их союзников в Афганистане к концу 2000-х гг. Неразрывная, хотя и не обязательно осознанная связь значительной части экспертных оценок, особенно со стороны аналитиков, близких к американской администрации, с подобной политической конъюнктурой особенно ярко проявилась по мере укрепления администрации Б. Обамы в трудном, но необходимом для США решении постепенно, но в обозримой перспективе вывести войска из Афганистана, минимизировав при этом неизбежные политические и информационно-пропагандистские издержки. На этом фоне, несмотря на отсутствие какого-либо прогресса и даже на обострение ситуации в самой зоне конфликта, в экспертной среде как-то само собой распространилось мнение, с одной стороны, о внезапной деградации и упадке активности «Аль-Каиды» собственно в Афганистане (естественно, в результате «успешных» действий США и антитеррористической коалиции), а с другой — о смещении источника прямой террористической угрозы США со стороны «центральной» «Аль-Каиды» из Афганистана в сторону «ядра» «Аль-Каиды» в Пакистане [5, р. 1, 11, 13].

Примерно эта же логика стоит в целом и за концепцией регионализации «Аль-Каиды». Этот процесс в основном объясняют тем, что в условиях сильного давления США и их союзников по антитеррористической коалиции на «центральную» «Аль-Каиду» в Афганистане и Пакистане фокус значительной части террористической активности связанных с «Аль-Каидой» сетей сместился в сторону периферии, в первую очередь в ее региональные филиалы, ассоциирующие себя с «Аль-Каидой», но организационно автономные от ее афгано-пакистанского «ядра». Кроме того, согласно этой версии, данная активность стала также (хотя и в меньшей степени) принимать форму терактов со стороны мини-ячеек или индивидуальных «доморожденных джихадистов» в самих США и европейских странах [21, р. 1]. Таким образом, при сохранении определенного внимания к «ядру» в последнее время в терминологии преобладают, по крайней мере в США, не столько «Аль-Каида» и «терроризм со стороны “Аль-Каиды”», сколько угрозы и группировки, «связанные с “Аль-Каидой”» [21, р. 1, 3].

Региональные филиалы. По мнению сторонников регионализации, к концу 2000-х гг. основная стратегическая и оперативная активность «Аль-Каиды» переместилась на уровень ее так называемых региональных филиалов в регионах с преобладающим или значительным мусульманским населением. Обычно выделяют пять таких «филиалов» — в Северной Африке (странах Магриба), на Аравийском полуострове, в Ираке, Восточной Африке (странах Африканского Рога) и Юго-Восточной Азии.

Бесспорная заслуга данного подхода, особенно по сравнению с примитивной «аль-кайдаизацией», состоит в четком разграничении между, с одной стороны, этими «региональными филиалами» «Аль-Каиды» и, с другой стороны, остальными, не имеющими отношения к «Аль-Каиде», локально-региональными группировками исламистского или смешанного, исламистско-националистического, толка (например, палестинским движением ХАМАС, ливанским движением «Хезболла» или разнообразными вооруженными исламистами сепаратистского толка, десятилетиями ведущими вооруженную борьбу, в том числе с применением террористических методов, против самых разных государств — Индии, Китая, России, Таиланда, Филиппин и т.д.).

Однако главной проблемой этого подхода остается крайне расплывчатое представление о характере и масштабе связей таких «региональных филиалов» с «ядром». Даже ярые приверженцы идеи переноса центра тяжести в деятельности «Аль-Каиды» на региональный уровень вынуждены признать, что связь филиалов с «центральной» «Аль-Каидой», базирующейся в афгано-пакистанском ареале, в основном имеет символическую форму абстрактных «деклараций идеологической лояльности» и/или взаимных заявлений о поддержке общих целей. В то же время какие-либо сведения о совместном стратегическом планировании, конкретном сотрудничестве в области финансирования операций или, например, направления «центральным ядром» технических экспертов в распоряжение филиалов всплывают лишь изредка и не поддаются независимой проверке [25, р. 5].

Более того, по мнению автора этой статьи, из всех наиболее часто упоминаемых «региональных филиалов» «Аль-Каиды» реально на эту роль может претендовать только один. Это организация «Аль-Каида в странах Аравийского полуострова», в основном базирующаяся в Йемене — государстве, где центральная власть, как и, например, в Пакистане, не контролирует значительную часть территории страны и вынуждена сочетать военное давление на местные племенные группы с учетом их интересов. Об этой организации можно говорить с января 2009 г., когда йеменские сторонники «Аль-Каиды» (где эта традиция не прерывалась со времен возвра-

шения домой йеменских ветеранов антисоветского «джихада» в Афганистане) объявили о ее создании в результате присоединения к ним ряда радикальных саудовских исламистов, жестко преследуемых у себя на родине. Активность группировки не ограничивается осуществлением и планированием терактов в странах Аравийского полуострова (особенно против руководства/правящей династии Саудовской Аравии, объектов критической, прежде всего нефтяной, инфраструктуры королевства, а также американских и западных объектов в Йемене) и финансовой поддержкой террористических организаций за пределами региона. Из всех «региональных филиалов» лишь этот не только имеет прямую историческую (генетическую) связь с «ядром» «Аль-Каиды» (через йеменских и саудовских ветеранов-джихадистов), но и представляет собой прямую вне-региональную террористическую угрозу, в том числе США на их территории. Эта угроза имеет форму как идеологической индоктринации (влияние проповедей связанного с группировкой Анвара аль-Авлаки или ее онлайн-ового англоязычного журнал «Inspire» на потенциальных американских джихадистов), так и непосредственного планирования и подготовки терактов. Группировка последовательно пропагандирует «стратегию тысячи порезов, или ударов» (т.е. небольших по масштабу, но более частых атак) как оптимально подходящую для царящего, по мнению ее сторонников, состояния фобии в области безопасности и противодействия террористическим угрозам в США и на Западе [5, р. 14—17; 21, р. 13—14]. В этом контексте вполне понятен высокий и продолжающий расти интерес спецслужб США к Йемену (особенно в условиях дальнейшего ослабления государства в ходе массовых кампаний социально-политического протеста), выражающийся среди прочего в значительном усилении кадрового состава ЦРУ в Йемене, отправке, по некоторым данным, около 100 инструкторов для местного спецназа и усиленном мониторинге ситуации в стране и регионе средствами спутниковой и электронной разведки [41].

За исключением «Аль-Каиды в странах Аравийского полуострова» остальные так называемые региональные филиалы (в Ираке, странах Магриба, Африканского Рога и Юго-Восточной Азии) выросли на местной почве, хотя порой и в результате реакции на внешние факторы (как, например, в ходе вооруженного сопротивления американской интервенции и оккупации в Ираке), и по сути являются автохтонными движениями. Их реальная повестка дня и ареал активности не выходят за локально-региональные рамки, а связь с «Аль-Каидой» носит больше декларативный и символический характер.

Так, «Движение Аль-Каиды в Месопотамии» (или «Аль-Каида в Ираке») сформировалось исключительно в контексте развернув-

шейся с конца 2003 г. партизанской войны против оккупационных сил США и их союзников и стало одной из крупнейших иракских повстанческих организаций, в идеологии которой радикальный исламизм сочетался с национально-освободительными мотивами. К 2006 г. эта группировка стала ядром Совета (*меджлиса шурры*) моджахедов — повстанческой коалиции исламистского толка, которая позднее провозгласила целью «образование исламского государства» в Ираке [2]. Отдельные заявления о поддержке «Аль-Каиды» со стороны первого лидера группировки — иорданца со связями в «джихадистских» кругах Абу Мусаба аз-Заркауи, убитого в июне 2006 г., и особо активное использование ею террористических методов дали США и другим странам-интервентам удобный повод для спекуляций по поводу прямого участия «центральной» «Аль-Каиды» в иракском конфликте. Главная цель таких спекуляций носила пропагандистский характер и состояла в дискредитации вооруженного сопротивления иностранным войскам в Ираке путем попыток его прямого отождествления с «Аль-Каидой». Ссылка на последнюю в названии этой группировки не отражала ее реальной сути и состава: ее основной целью оставалось освобождение Ирака и установление там исламского государства вместо западного протектората, подавляющее число экстремистов и руководящего состава были иракцами, а доля иностранных боевиков не превышала 4—10%, как и в целом в составе иракского сопротивления [6]. Таким образом, влияние транснациональных террористических сетей на динамику вооруженного насилия в Ираке было сильно преувеличено.

Не менее проблематичны и попытки выдать за полноценный «региональный филиал» «Аль-Каиды» вооруженных исламистов в Восточной Африке, прежде всего сомалийскую группировку «Аш-Шабаб», устойчиво контролирующую ряд районов страны [21, р. 14]. С одной стороны, на рубеже веков Восточная Африка стала свидетелем двух крупных терактов, организованных непосредственно «центральной» «Аль-Каидой», подчеркнуто направленных против иностранных (американских и израильских) целей и не имевших отношения к местным политическим проблемам (взрывы американских посольств в Кении и Танзании в 1998 г., приведшие к гибели 229 человек и ранению более 5000, и взрыв находящегося в собственности израильтян отеля «Парадиз» и израильских туристов в Момбасе, Кения, в 2002 г.). С другой стороны, в Сомали продолжается фрагментированный вооруженный конфликт, в котором уже многие годы чередой сменяющихся друг друга малофункциональных «переходных правительств», поддерживаемых «на плаву» в основном соседними странами и международным сообществом, довольно успешно противостоят местные повстанцы-

исламисты разной степени радикализации. В 2003 г. после раскола одной из таких группировок ее более радикальные молодые члены сформировали «Движение молодых моджахедов», впоследствии известное как «Аш-Шабаб» (араб. — *«молодежь»*). В 2006 г. ведущей исламистской организации — «Движению исламских судов» — временно удалось установить контроль и обеспечить стабильность в столице страны г. Могадишо, однако в результате военной интервенции со стороны Эфиопии, поддержанной США, режим исламских судов был разгромлен, а лидеры этого умеренно-исламистского движения эмигрировали в Эритрею. В этих условиях ведущая роль в сопротивлении перешла к группировке «Аш-Шабаб». При всем своем радикализме вооруженные, в том числе террористические, операции «Аш-Шабаб» сосредоточены на мишенях внутри Сомали, особенно связанных с правительством и миротворческим контингентом Африканского союза (АМИСОМ). Самым крупным терактом «Аш-Шабаб» за пределами Сомали стала серия взрывов в г. Кампала (в соседней Уганде) в июле 2010 г., в результате которых погибли 76 человек, однако цель этих терактов — «призыв к Уганде и Бурунди вывести свои контингенты в составе АМИСОМ из Сомали» — также не вышла за рамки сомалийского конфликта [5, р. 24—26].

В отличие от иракских и сомалийских исламистов, «Аль-Каида в землях Исламского Магриба» не привязана к контексту определенного локально-регионального конфликта и явно демонстрирует региональные амбиции (хотя и имеет корни в гражданской войне в Алжире). Это новое название известной алжирской Салафитской группы призыва и борьбы, которая еще в 1998 г. откололась от Вооруженной исламской группы — основной повстанческой группировки во внутриамериканском конфликте. В 2003 г. руководство Салафитской группы заявило о поддержке «Аль-Каиды», а в 2006 г. — о «лояльности» и «единении» с ней, а также о смене названия на «Аль-Каиду в землях Исламского Магриба». В конце 2000-х гг. она сочетала теракты (среди мишеней которых были здания правительственного комплекса и Конституционного совета Алжира, офис ООН и полицейская академия) с вооруженными засадами и другими операциями против сил полиции и безопасности, а также с нападениями на военные конвои [5, р. 20]. В последние годы эта организация, в том числе под давлением со стороны алжирских сил безопасности, перенесла свою основную активность из столицы Алжира в шесть провинций алжирской Сахары и страны Сахеля (граничащие с Сахарой) с новым районом базирования на севере Мали. Данная группировка причастна к ряду похищений граждан западных стран (в основном за выкуп или в целях обмена на своих плененных соратников), однако ее оперативная активность не вы-

ходит за пределы территории Алжира и стран Сахеля [21, р. 16]. Более того, несмотря на «декларацию верности» «Аль-Каиде» 2006 г., даже официальные американские источники вынуждены признать номинальный характер любых возможных связей: «нет свидетельств того, что группировка руководствуется указаниями со стороны лидеров “Аль-Каиды” в Афганистане и Пакистане» [5, р. 19].

Как и на магрибском примере, в случае с «Аль-Каидой в Юго-Восточной Азии» при бесспорном региональном масштабе повестки дня и оперативной активности тех исламистских сетей, которые имеются в виду (прежде всего, «Джемаа исламийя»), имеет смысл говорить не о «региональном филиале» «Аль-Каиды», а об *отдельной, параллельно существующей, автономной* региональной сети, которая начала формироваться задолго до (и независимо от) «Аль-Каиды». Процесс регионализации группировки «Джемаа исламийя» (первоначальной целью которой в середине XX в. было создание исламского государства в Индонезии) и ее превращения в децентрализованную транснациональную региональную сеть начался еще в 1960-е гг. Сфера деятельности этой сети не выходит за рамки Юго-Восточной Азии, но ее вооруженная активность почти целиком сводится к терроризму. На счету «Джемаа исламийя» — один из наиболее «эффектных» по уровню подготовки и координации терактов последних десятилетий («рождественские взрывы» в декабре 2000 г. — почти одновременные взрывы 38 бомб в 11 городах по всей территории Индонезии), а также первый крупный исламистский теракт отчетливо транснационального типа после терактов 11 сентября 2001 г. в США (взрывы в туристической зоне на о. Бали в октябре 2002 г. [19; 7; 3, с. 188—189]) и ряд крупных последующих терактов (в отеле «Мариотт» в Джакарте в 2003 г., австралийском посольстве в 2004 г., международных отелях в Джакарте в 2009 г.). Вместо того чтобы тратить время на поиск прямых связей этой опасной региональной сети с «Аль-Каидой», специалистам следовало бы сосредоточить внимание на ее дальнейшей динамичной эволюции и диверсификации террористической активности «джихадистского» типа в этом регионе, где наряду с «Джемаа исламийя» ее новыми источниками стали остатки сети последователей убитого в 2009 г. радикального проповедника Нурдина Топа, а также радикально-исламистские группировки в Ачехе (Индонезия) [5, р. 27—28].

Микроячейки и индивидуальные сторонники, связанные с «Аль-Каидой» идеологически, но не аффилированные с ней организационно. Такие микроячейки, как правило, возникают самостоятельно и действуют автономно, а их связи с «ядром» «Аль-Каиды» или ее региональными филиалами носят, скорее, виртуальный характер.

По официальным американским данным, такие ячейки и террористы, действующие в одиночку, существуют более чем в 70 странах мира [21, р. 3]. От других террористических группировок на местах (на локально-региональном уровне) их отличает то, что они разделяют подчеркнуто глобалистскую идеологию и цели «Аль-Каиды» и в основном практикуют именно террористические методы их продвижения. В организационном отношении, а также в плане состава и происхождения микроячейки и индивидуальные террористы на этом уровне весьма многообразны, и эксперты нередко подразделяют их еще на несколько категорий. Например, Б. Хоффман выделяет мелкие «спящие ячейки» «Аль-Каиды» (подобно тем, которые организовали теракты в Мадриде в марте 2004 г. и в Лондоне в июле 2005 г.), а все остальные мелкие «элементы» этого движения некорректно объединяет с рядом локальных группировок исламистского типа в одну широкую категорию «галактика Аль-Каиды» [15], что уже отдает духом «аль-кайдаизации».

Позитивным моментом при этом можно считать уже само признание большинством серьезных американских аналитиков того факта, что приверженность идеологии «Аль-Каиды» (т.е. «глобального джихада») может и не требовать прямого «членства» в ней как организации [21, р. 4]. Еще несколько лет назад такие утверждения могли себе позволить лишь отдельные незападные эксперты [35]. К сожалению, в анализе этого «микроуровня» терроризма, связанного с «Аль-Каидой» или инспирированного ее идеологией, пока больше минусов, чем плюсов. Во-первых, признание того, что этот уровень автономных, самогенерирующихся микроячеек «глобального джихада» существует, не компенсирует все еще непропорционально низкого внимания к нему в рамках доминирующего подхода, делающего упор на регионализацию «Аль-Каиды» и на крупные и организованные «региональные филиалы» как основной уровень ее террористической активности. Во-вторых, распространение таких микроячеек часто рассматривают как проявление организационной слабости и упадка движения «глобального джихада» и связанной с ним террористической активности. Согласно этой ошибочной точке зрения, именно слабость и деградация «вынуждают “Аль-Каиду” опираться на индивидуальных террористов, которые знают ее только по ее идеологии» [21, р. 19]. В-третьих, подспудная недооценка этого «микроуровня» движения «глобального джихада» может происходить и вследствие неудобства от признания того факта, что абсолютное большинство таких микроячеек и террористов-одиночек этого типа формируются и действуют не где-то в Афганистане, Пакистане или Ираке, а непосредственно в самих западных странах (в основном в Европе и США).

Посткаидовское движение

Для автора этих строк, напротив, основным уровнем и направлением развития терроризма, инспирированного сегодня ставшим уже символическим «историческим ядром» «Аль-Каиды», на данном этапе служит именно этот сетевой «микроуровень», для обозначения которого можно использовать термин «посткаидовское движение». Это транснациональное движение связано с «Аль-Каидой» образца рубежа веков, т.е. с «Аль-Каидой» бен Ладена, *генетически (исторически) и идеологически, но не более того*. Оно фактически пришло на смену первоначальной «Аль-Каиде» (остатки ее «ядра» в афгано-пакистанском ареале на данном этапе являются, скорее, символом, чем реальным воплощением «глобального джихада», а единственным действенным «региональным продолжателем» в мусульманском мире можно считать лишь «аравийский филиал»). Посткаидовское движение представляет собой более рыхлую и динамичную организационную модель, основу которой составляет множество небольших автономных ячеек, возникающих в первую очередь на территории стран Запада и, как правило, уже не имеющих прямых организационных контактов с «ветеранами» «Аль-Каиды». Однако эти микроячейки действуют во имя подчеркнуто транснациональных, глобалистских целей, сформулированных в соответствии с идеологией «глобального джихада», и готовы стать (*и становятся*) его частью *по факту*, путем «прямых действий» (т.е. терактов).

Именно этот уровень, обозначенный нами как «посткаидовское движение», сегодня олицетворяет собой основное направление динамики «глобального джихада», катализатором которого 10 лет назад, на рубеже веков, послужила «Аль-Каида». В условиях современной информационно-коммуникационной эпохи «глобальных проектов» и взаимосвязанных тенденций транснационализации и фрагментации упор на «объединяющую идеологию» в сочетании с сетевой системой организации (то, что традиционным аналитикам представляется признаком слабости [5, р. 30]) стало как раз главной силой этого движения.

Терроризм посткаидовского типа просто невозможно изучать вне контекста реакции на глобализацию и модернизацию по западному образцу. Эта реакция сфокусирована на противостоянии государствам и международным институтам, воспринимаемым как основные моторы глобализации и вестернизации. Данный вид терроризма немыслим без западного мира, и все его наиболее масштабные террористические проявления связаны с мишенями, либо непосредственно расположенными в западных странах, либо в той или иной мере ассоциируемыми с Западом. Наиболее благо-

приятные условия для создания пула потенциальных добровольцев, готовых примкнуть к такому посткаидовскому движению в индивидуальном порядке, путем вступления в одну из действующих групп или формирования собственной автономной ячейки, складываются отнюдь не в отсталых труднодоступных районах мира, а наоборот — в зонах наиболее тесного и интенсивного контакта с Западом как иной социокультурной средой и средоточием так называемой *джахилии* (царства безверия, незнания ислама, материализма и т.д.). Это в наибольшей степени относится как к сферам расширенного западного экономического, военного, политического и культурного присутствия в странах мусульманского мира, так и особенно к мусульманским диаспорам и общинам на Западе, прежде всего в странах Западной Европы. Формирование таких микроячеек в наибольшей степени происходит в Великобритании, Испании, Франции, ФРГ, Нидерландах и Дании [22; 34]. В самом конце 2000-х гг. число террористов-одиночек, микроячеек и, соответственно, планируемых терактов «джихадистского» типа значительно выросло и в США: из 40 совершенных или раскрытых на стадии подготовки террористических атак за 9 лет с 11 сентября 2001 г. половина пришлось на 2009—2010 гг. [9, р. 1].

При этом конкретные механизмы формирования и радикализации отдельных микроячеек могут сильно варьировать даже между различными мусульманскими диаспорами на Западе. Члены исламистских ячеек этого типа включают как иммигрантов первого поколения, так и мигрантов во втором и даже третьем поколении — граждан европейских стран, а иногда и новообращенцев [38; 10, р. 7—21; 22]. Разнообразны и механизмы вхождения в состав движения или присоединения к транснациональной сети. В отличие от «региональных филиалов» на Аравийском полуострове или в Магрибе, если такие микроячейки и принимали на себя формальную «клятву верности» или декларацию о лояльности, то, как правило, не публично, а на внутrigрупповом уровне. Даже на раннем этапе развития этого движения (в начале — середине 2000-х гг.) практика «формального вступления» через прямой контакт с одним из «действующих джихадистов» или «ветеранов» [29, р. 120—121] распространялась лишь на некоторые ячейки, а впоследствии стала и вовсе не обязательной. Для большинства из них самым быстрым и доступным способом «присоединиться» к движению стала «практика прямых действий», т.е. поиск возможностей для самостоятельной организации и исполнения террористических акций. Если в начале 2000-х гг. специалисты еще подчеркивали постепенный характер трансформации групп мусульман в микроячейки «глобального джихада» и ту незаменимую роль, которую при этом играли регулярное внутrigрупповое общение «вживую» и личностный

контакт [4, с. 108; 38, р. 181], то в настоящее время эксперты констатируют, что этот процесс значительно ускорился, чему немало способствовала растущая роль электронных систем информации и коммуникации, особенно интернет-блогов, форумов и сетей [30, р. 4; 12, р. 1, 18—19; 13, р. 13—14, 20].

Основным связующим звеном посткаидовского движения стала самая амбициозная и универсалистская версия современного религиозного экстремизма — идеология «глобального джихада». Среди наиболее опасных характеристик, делающих ее ведущей идеологией вооруженного противостояния основам мировой системы, — тотальный и всеохватный характер предлагаемой альтернативной концепции глобального социального порядка. Этот утопический «порядок» выходит за рамки теократии в ее западном понимании (государства, где правит духовенство) и подразумевает прямую власть Бога, осуществляемую через свод установленных Им и общих для всех правил и норм. Конечные цели этой идеологии носят неограниченный и глобальный характер, выходят далеко за рамки конфронтации с США и Западом и основаны на том, что необходимость «установить суверенитет Бога на земле и справедливую систему, ниспосланную Богом» [27, р. 240] — уже сама по себе достаточная причина для объявления вооруженного джихада. Наконец, это не просто *транснациональная*, а *наднациональная* и *надгосударственная* идеология, которая «выше» и «вне» таких категорий и конструкций, как государство, нация, этничность. Эта идеология не только не признает государственные границы и современные государства, включая исламские (например, Саудовскую Аравию и Судан), но и отвергает само понятие государства. Она исходит из того, что ни одно государство не способно заменить ниспосланную Богом систему законов и что единственно важной характеристикой людей является их вера в Единого Бога.

В отличие от вооруженных организаций, сочетающих исламский экстремизм с национализмом на локально-региональном уровне и привязанных к конкретному политическому контексту и территории, микроячейки сетевого вооруженного радикально-исламистского движения, посвятившие себя исключительно всеобъемлющему «глобальному джихаду» и сформированные в духе предсказанных еще в 1960-е гг. его главным современным теоретиком С. Кутбом «авангардных» групп, объединяющих немногих «избранных» [27, р. 231; 26, р. 12, 79—80], не зависят от поддержки со стороны населения и не размениваются на социальную работу в массах. Несмотря на то что их конечная цель — установление нового мирового порядка в форме «всемирного халифата» — носит утопический характер, такие ячейки представляют вполне реальную террористическую угрозу международной безопасности, в том

числе в форме терроризма с массовыми жертвами. В то же время автономные микроячейки, исповедующие эту идеологию, крайне слабо поддаются давлению и влиянию извне: попытки нейтрализовать посткаидовское движение репрессивно-силовым путем не препятствуют распространению и адаптации к новым условиям его идеологии, которая продолжает вдохновлять своих сторонников на террористические действия вне зависимости от того, с большим или меньшим успехом ведется международная борьба с терроризмом. Особая трудность в противодействии этой идеологии заключается в том, что ее последователи борются не за территорию или власть в конкретном государстве, а за новый, альтернативный мировой порядок и образ жизни, за всеобъемлющую глобальную систему, которая, как они полагают, посредством ниспосланных Богом законов обеспечит более справедливое мироустройство, чем «правление людей», и гарантирует свободу человека от любых форм порабощения себе подобными.

В организационно-структурном смысле посткаидовское движение выходит за рамки стандартной идеологически интегрированной функциональной сети (типа сетевых структур антиглобалистов). Оно представляет собой гибридную структуру, которой присущи не только базовые сетевые характеристики и отдельные иерархические признаки, но и черты, вообще не характерные для известных организационных форм.

Одна из основных специфических особенностей рыхлой и многоуровневой посткаидовской сети состоит в ее способности обеспечить эффективную координацию действий низовых, полу- или полностью автономных ячеек и четкое соответствие этих действий общим целям и задачам. Высокая степень неформальной координации в рамках посткаидовского движения, с одной стороны, превосходит по эффективности координационные механизмы многих более централизованных и организованных структур, а с другой — делает это движение более эффективным и функциональным, чем стандартная «размытая» сеть. Такая координация осуществляется не посредством централизованного контроля (как в иерархиях) или взаимных консультаций и компромиссов (как в сетях), а иным, уникальным образом — за счет сочетания трех особенностей.

Во-первых, общие идеолого-стратегические установки движения сформулированы так, что они уже являются прямым руководством к действию для всех элементов сети: содержат указания низовым ячейкам вести любую доступную им вооруженную активность террористического характера вне зависимости от конкретных условий и района операций. Иными словами, задачи движения сформулированы так, что их можно воплощать разными средствами в различных контекстах. Например, известная фетва бен Ладена 1998 г.

предписывала такой образ действий, который вне зависимости от конкретного контекста, условий или предлога «зачтется» в счет движения по пути к достижению «общей цели» (в частности, призывала к «убийству американцев и их союзников» как к «индивидуальному долгу каждого мусульманина, который имеет возможность это сделать в любой стране, где существует такая возможность» [20]).

Во-вторых, данная система координации требует высокой степени интеграции идеологии и стратегии, когда при множестве лидеров и радикальных идеологов-проповедников, а также многообразии микроячеек движение руководствуется единым, консолидированным идеологическим/стратегическим дискурсом. Ключевую роль в этой консолидации играет информационно-пропагандистская активность, которая сегодня уже в основном ведется через электронные системы связи и информации. В этом смысле с середины 2000-х гг. провайдеры, связанные с движением «глобального джихада»², не только не затихали, но и активизировались и выходили на новый качественный уровень агитационно-пропагандистской, проповеднической и информационной деятельности, которая приобретала все более скоординированный характер. Именно интенсивные дискуссии в режиме онлайн по основным политическим и религиозно-идеологическим вопросам и задачам, стоящим перед движением в целом, стали основным средством унификации, консолидации и стандартизации идеологического дискурса и стратегических установок «глобального джихада». Основная роль в этом процессе уже принадлежит не старому руководству «Аль-Каиды» (хотя некоторые «заслуженные» ветераны-идеологи, например Абу Яхья аль-Либи, в последние годы продолжали активно проповедовать и участвовать в дискуссиях, причем уже в Сети). На первый план стали все чаще выходить радикальные проповедники — представители более молодого, так называемого интернет-поколения, например кувейтский проповедник Хамид бен Абдалла аль-Али, которому приписывают авторство Ковенанта Верховного совета джихадистских групп (2007) — первой серьезной попытки записать и озвучить консолидированный дискурс движения «глобального джихада» [1].

В-третьих, для того чтобы действовать эффективно, сетевой структуре, в отличие от иерархии, требуется значительная степень межличностного и *внутригруппового* доверия на уровне отдельных (низовых) ячеек. Для посткаидовского движения как раз характер-

---

² Среди таких провайдеров, например, медийный центр «Аль-Фаджр», связанный с «Аль-Каидой» Фонд исламской прессы и публикаций «Ас-Сахаб», Глобальный исламский медийный фронт, а также целый ряд персональных сайтов ведущих радикально-исламистских проповедников и идеологов «глобального джихада» и все чаще — интернет-форумы и блоги.

на более высокая степень внутригрупповой солидарности и обязательств на уровне микроячеек, чем для стандартной обезличенной функционально-идеологической сети. Это достигается за счет специфического механизма формирования микроячеек, которые еще до объявления о своей принадлежности к «глобальному джихаду» объединяют уже сложившуюся группу близких друзей-единомышленников [29, р. 111—112], чаще всего членов мусульманских диаспор (мигрантов от первого до третьего поколения) в западных странах. Именно интеграция идеологии и стратегии на макроуровне движения в сочетании с высокой внутригрупповой солидарностью на микроуровне позволяет террористам этого типа и их транснациональной аудитории рассматривать теракты как скоординированные действия ячеек одного движения, направленные на достижение общей конечной цели.

Движение «глобального джихада» после бен Ладена

Подход исследователя к анализу трансформации современного транснационального терроризма исламистского толка определяет и его оценку степени представляемой терроризмом сегодня и в будущем угрозы, а также таких событий, как, например, уничтожение 5 мая 2011 г., т.е. спустя почти 10 лет после терактов 11 сентября 2001 г., лидера «Аль-Каиды» Усамы бен Ладена в результате американской спецоперации в районе г. Абботабада на территории Пакистана. При этом не следует забывать о том, что чем более мифический характер носит угроза, тем легче ею манипулировать в нужном (в зависимости от политической конъюнктуры) направлении.

Например, если, согласно новой американской антитеррористической стратегии 2011 г., «США воюют не с терроризмом как с тактикой <...>, а с конкретной организацией — “Аль-Каидой”» [21, р. 2], то поддерживаемое на официальном уровне представление о сохранении «ядром» «Аль-Каиды» образца 2001 г. реальных функций оперативно-стратегического руководства, а не символического идеологического значения, 10 лет спустя позволяет практически в любой политически удобный момент заявить о «победе» в такой «войне». Даже если ограничиться упором на «регионализацию» «Аль-Каиды», заявление администрации США о том, что ликвидация бен Ладена стала «самой важной стратегической вехой в наших усилиях победить “Аль-Каиду”» [21, р. 3], покажется некоторым преувеличением. С точки же зрения посткаидовского подхода собственно антитеррористический эффект этой запоздалой ликвидации и ее влияние на движение «глобального джихада» достаточно ограничены, хотя и нельзя сказать, что ими можно совсем пренебречь. Если, как полагает автор данной статьи, глав-

ным стратегическим ресурсом этого движения считать его специфическую (квази)религиозную идеологию с глобалистскими целями, то основы этой идеологии сформировались до бен Ладена (ее довольно вульгарного популяризатора), и она с успехом его переживет благодаря усилиям молодого интернет-поколения проповедников «глобального джихада». Если же к этому добавить второй важнейший стратегический ресурс и сравнительное преимущество этого движения (его в высшей степени гибкую, адаптивную и инновационную организационную модель, более продвинутую даже по сравнению со стандартной современной сетевой структурой), то в рамках такой модели главная координирующая роль принадлежит отнюдь не отдельным лицам, лидерам или «штабам», а напрямую в меру консолидированному и в меру абстрактному идеолого-стратегическому «джихадистскому» дискурсу, который и сейчас «живее всех живых». Экстерриториальные автономные микрочастицы этого сетевого посткаидовского движения с подчеркнута глобалистской антисистемной идеологией, которые наиболее распространены как раз в западных странах, следует отличать от тех локально-региональных группировок, которые, даже несмотря на исламистскую ориентацию, неразрывно связаны с определенной территорией, погружены в пучину конкретных локально-региональных конфликтов и в местный (национальный) политический контекст. Для вооруженной, в том числе террористической, активности таких группировок вообще маловажно, жив бен Ладен или нет.

Какая бы стратегия ни просматривалась за ликвидацией бен Ладена, она прежде всего продиктована динамикой и логикой американского политического процесса. При этом связь этой операции с внутривнутриполитическим циклом и предвыборной кампанией президента Б. Обамы не столь примитивна, как может показаться на первый взгляд. Если с антитеррористической точки зрения ликвидация бен Ладена сильно запоздала, то в контексте американской электоральной политики за полтора года до президентских выборов она даже может показаться преждевременной. В рамках политической системы и выборного цикла США вопросы внешней политики имеют тенденцию с легкостью перекрываться влиянием социально-экономических проблем. Тем не менее явные и крупные провалы в области внешней политики и политики безопасности могут сыграть роль дополнительного усилителя негативных настроений. Сегодня наиболее острым внешнеполитическим вызовом для администрации Б. Обамы, где она ближе всего к провалу, является не «фактор “Аль-Каиды”», движение «глобального джихада» или абстрактный «международный терроризм», а вполне конкретная и ухудшающаяся ситуация в Афганистане и вокруг

него, включая американское военное присутствие, которое, хотя и было изначально связано с противодействием «центральной» «Аль-Каиде», еще со времен администрации Дж. Буша-мл. вышло далеко за рамки контртеррористической операции и превратилось в очередной бессмысленный эксперимент по «государственному строительству» западного образца и затяжную противоповстанческую эпопею без видимых успехов. Для того чтобы иметь возможность в 2012 г. продемонстрировать (как собственным гражданам, так и внешнему миру), что в решении афганской проблемы США находятся на правильном пути (т.е. на пути к завершению военной интервенции), администрации необходимо было начать предпринимать решительные действия уже в этом году. В этом контексте «окончательное решение» проблемы бен Ладена стало первым реальным сигналом о серьезности намерений администрации Б. Обамы в вопросе о постепенном уходе из Афганистана и первым практическим шагом по политическому и пропагандистскому «оформлению» такого ухода [подробнее см.: 36]. Этой же цели, как было отмечено ранее, служит и явная смена основного фокуса в новой американской антитеррористической стратегии с Афганистана, которому в ней посвящен всего один (!) абзац, на Пакистан [21].

* * *

С одной стороны, мощная волна массовых социальных выступлений и политических перемен, захлестнувшая страны Ближнего Востока от Магриба (арабская Северная Африка) до Машрика (остальной Ближний Восток) в 2011 г., сильно изменила представления о доступных формах социально-политического протеста в арабском мире, отодвинув радикально-исламистский терроризм и его связь с этим регионом мира на второй план в международной повестке дня. Еще до этого тяжелые последствия масштабных интервенций, предпринятых США и их союзниками под эгидой международной «войны с терроризмом» в Ираке и Афганистане (особенно резкий рост терроризма в этих регионах в условиях иностранного военного присутствия и развала государственной власти, а также большие потери среди мирного населения), поставили под вопрос истинные цели и логику этих вмешательств, не говоря уже об их соответствии задачам борьбы с терроризмом и эффективности в их решении. Запоздалая ликвидация Усамы бен Ладена спустя почти 10 лет после терактов 11 сентября была продиктована уже не столько интересами борьбы с терроризмом, сколько логикой американской внутривосточной борьбы и необходимостью пропагандистского оформления бесславного вывода войск США и НАТО из Афганистана. При этом в контексте большинства локально-региональных конфликтов все последнее десятилетие продолжала

доминировать террористическая активность националистического, смешанного (исламистско-националистического) и иного толка, не связанная с «Аль-Каидой» и не формулирующая целей, выходящих за локально-региональные рамки, что ставит под сомнение заикленность международной повестки дня на противодействии угрозе «глобального исламистского терроризма» аль-каидовского типа. О том же свидетельствуют и новые всплески отошедшего было в конце XX в. на второй план левого терроризма и его дальнейшая мутация в сторону антиглобализма, неоанархизма и операций в киберпространстве (например, активность сети «Анонимус» в защите информационного портала «Викиликс»), а также параллельно набирающий силу «новый правый» терроризм, в основном антииммигрантской направленности, в развитых странах (ярким примером которого стал двойной теракт в норвежской столице Осло в июле 2011 г.).

С другой стороны, не стоит и преуменьшать значение беспрецедентных по масштабу терактов десятилетней давности в США и того транснационального сегментированного сетевого религиозно-идеологического движения «глобального джихада», катализатором которого стали эти теракты и стоявшая за ними «Аль-Каида». События 11 сентября 2001 г. в США с особой ясностью показали, что в эпоху глобализации и развития информационных технологий и средств коммуникации все большее (и даже ключевое) значение приобретает не столько реальный масштаб насилия, сколько возможность с его помощью создать информационно-политический эффект дестабилизации, многократно превышающий прямой ущерб от вооруженного инцидента, и таким образом асимметрично влиять на конкретную политическую ситуацию и международную безопасность. Терроризм во всех его формах и проявлениях — это как раз и есть использование более слабым вооруженным игроком прямого насилия против незащищенных гражданских мишеней путем созданного виртуального информационно-политического эффекта как инструмента асимметричного давления на более сильного и более высокого по статусу противника (государство, группу государств или международное сообщество).

Таким образом, вне зависимости от того, какой конкретный вид терроризма будет иметь наибольший медийный эффект на том или ином этапе и уровне развития мировой политики, в целом в эпоху информационного общества роль терроризма как наиболее асимметричного и коммуникационно-ориентированного вида политического насилия и его эффект во все более взаимозависимом и в этом смысле все более хрупком мире будут только возрастать. Есть основания полагать, что вдохновленное «Аль-Каидой» движение «глобального джихада» начала XXI в. — это не последний

пример транснационального антисистемного движения с глобальными утопическими целями, которое, несмотря на крайний идеологический радикализм и отсутствие массовой поддержки своих идей и методов, может представлять серьезную угрозу безопасности человека, обществ, государств и международного сообщества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Али Х., бен.* Мисак аль-меджлис аль-аая ли-фасаиль аль-джихад [Ковенант высшего совета групп джихада] (на араб. яз.) [Электронный ресурс] // Хамид бен Абдалла аль-Али [Персональный сайт]. 13.01.2007 г. URL: http://www.h-alali.net/m_open.php?id=991da3ae-f492-1029-a701-0010dc91cf69 (дата обращения: 15.08.2011).
2. Мэджлис шура аль-муджахидин юбэшшир аль-умма билль аль-иям ан кьям даулят аль-Ирак аль-исламийя [Совет муджахедов приносит благую весть умме об образовании исламского государства в Ираке] (на араб. яз.) [Электронный ресурс] // «Аль-Фирдаус» [Интернет-форум]. 15.10.2006 г. URL: <http://www.alfirdaws.org/vb/showthread.php?t=18147> (дата обращения: 07.01.2007).
3. *Степанова Е.А.* Терроризм в асимметричном конфликте: идеологические и структурные аспекты / ИМЭМО РАН. М.: Научная книга, 2010.
4. *Степанова Е.А.* Терроризм: проблемы определения и функционально-идеологическая типология // Мировая экономика и международные отношения. 2010. № 7. С. 23—32.
5. Al Qaeda and Affiliates: Historical Perspective, Global Presence, and Implications for U.S. Policy / Congressional Research Service (CRS) Report for Congress № R41070. Washington, D.C.: CRS, January 25, 2011.
6. *Baker J., Hamilton L.* The Iraq Study Group Report. Washington, D.C.: Iraq Study Group, 2006.
7. The Bali Bombings: JI's Increasing Sophistication // STRATFOR, November 4, 2005.
8. *Barret R.* Seven Years After 9/11: Al-Qaida's Strengths and Vulnerabilities. L.: The International Centre for the Study of Radicalisation and Political Violence, 2008.
9. *Bjelopera J., Randol M.* American Jihadist Terrorism: Combating a Complex Threat / Congressional Research Service (CRS) Report for Congress № R41416. Washington, D.C.: CRS, 2010.
10. *Bokhari L., Hegghammer T., Lia B., Nesser P., Tonessen T.* Paths to Global Jihad: Radicalization and Recruitment to Terror Networks. Kjeller: FFI, 2006.
11. *Eck K., Hultman L.* One-sided Violence against Civilians in War: Insights from New Fatality Data // Journal of Peace Research. March 2007. Vol. 44. № 2. P. 233—246.
12. EU Terrorism Situation and Trend Report 2007. The Hague: Europol, 2007.
13. EU Terrorism Situation and Trend Report 2009. The Hague: Europol, 2009.

14. Global Terrorism Database (GTD) [Electronic resource] // National Consortium for the Study of Terrorism and Responses to Terrorism (START), University of Maryland [Official website]. URL: <http://www.start.umd.edu/gtd> (accessed: 30.05.2011).
15. *Gunaratna R.* Inside Al-Qaeda: Global Network of Terror. N.Y.: Columbia University Press, 2002.
16. *Gunaratna R., Oreg A.* Al-Qaeda's Organizational Structure and Its Evolution // Studies in Conflict & Terrorism. December 2010. Vol. 33. № 12. P. 1043—1078.
17. *Hoffman B.* 10 Year after 9/11: Lessons Learned? Lecture at Aspen Institute. Berlin: Aspen Institute, 11 October 2011.
18. In Military Campaign, Pakistan Finds Hint of 9/11 // The New York Times. October 30, 2009.
19. Indonesia Backgrounder: How the Jemaah Islamiyah Terrorist Network Operates / International Crisis Group (ICG) Asia Report № 43. Brussels: ICG, 2002.
20. *Laden O., bin.* World Islamic Front for Jihad against Jews and Crusaders: Initial "Fatwa" Statement // al-Quds al-Arabi. February 23, 1998 (на араб. и англ. яз.).
21. National Strategy for Counterterrorism. Washington, D.C.: The White House, June 28, 2011.
22. *Neumann P.* Joining al-Qaeda: Jihadist Recruitment in Europe / Adelphi Paper № 399. L.: Routledge, 2008.
23. New Estimate of Strength of Al-Qaeda Is Offered // The New York Times. July 1, 2010.
24. One-sided Violence Dataset v. 1.3-2010b, 1989—2008 [Electronic resource] / Uppsala Conflict Data Program [Official website]. URL: http://www.pcr.uu.se/research/ucdp/datasets/ucdp_one-sided_violence_dataset (accessed: 10.05.2011).
25. Osama Bin Laden's Death: Implications and Considerations / CRS Report for Congress №. R41809. Washington, D.C.: CRS, May 5, 2011.
26. *Qutb S.* Milestones. Cedar Rapids (Iowa): Unity Publishing Co., 1980.
27. *Qutb S.* War, Peace, and Islamic Jihad // Contemporary Debates in Islam: An Anthology of Modernist and Fundamentalist Thought / Ed. by M. Moaddel, K. Talatof. Basingstoke: Macmillan, 2000. P. 223—245.
28. Recruitment and Mobilization for the Islamist Militant Movement in Europe / Study by King's College London for the European Commission (Directorate General Justice, Freedom and Security). L.: King's College, University of London, 2007.
29. *Sageman M.* Understanding Terror Networks. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2004.
30. *Sageman M.* Radicalization of Global Islamist Terrorists / Testimony before the US Senate Committee on Homeland Security and Governmental Affairs. June 27, 2007.
31. *Sageman M.* Leaderless Jihad: Terror Networks in the Twenty-First Century. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2008.

32. *Self-Inflicted Wounds: Debates and Divisions within Al-Qaeda and its Periphery* / Ed. by Assaf Moghadam and Brian Fishman. West Point: U.S. Military Academy Combating Terrorism Center, 2010.

33. *Some Terrorism Experts Believe al-Qaeda behind Norway Attacks* [Electronic resource] // Jihad Watch [Web portal]. July 22, 2011. URL: <http://www.jihadwatch.org/2011/07/some-terrorism-experts-believe-al-qaeda-behind-norway-attacks.html> (accessed: 15.08.2011).

34. *Stepanova E.* *Islamist Terrorism as a Threat to Europe: the Scope and Limits of the Challenge* // *Political Violence, Organised Crime, Terrorism and Youth* / Ed. by D. Ulusoy. Amsterdam: IOS Press, 2008. P. 141—158.

35. *Stepanova E.* *Terrorism in Asymmetrical Conflict: Ideological and Structural Aspects*. Oxford: Oxford University Press, 2008.

36. *Stepanova E.* *Post-Bin Laden Prospects for the Peace Process in Afghanistan* [Electronic resource] // IDEAS, London School of Economics and Political Sciences Blog [Official website]. May 16, 2011. URL: <http://blogs.lse.ac.uk/ideas/2011/05/post-bin-laden-prospects-for-the-peace-process-in-afghanistan> (accessed: 15.08.2011).

37. *Sundberg R.* *Revisiting One-Sided Violence: A Global and Regional Analysis*. Uppsala: UCDP, 2009.

38. *Taaraby M.* *Understanding Recruitment of Islamist Terrorists in Europe* // *Mapping Terrorism Research: State of the Art, Gaps and Future Direction* / Ed. by M. Ranstorp. L.: Routledge, 2007. P. 164—186.

39. *Terrorism Knowledge Database* / Memorial Institute for the Prevention of Terrorism (MIPT), Oklahoma-City, 2008. URL: <http://www.start.umd.edu/gtd> (accessed: 15.08.2011)³.

40. *Terrorism: Patterns of Internationalization* / Ed. by J. Saikia and E. Stepanova. New Delhi; L.; Los Angeles: Sage, 2009.

41. *U.S. Deploying Drones in Yemen to Hunt for Al-Qaeda, Has Yet to Fire Missiles* // *The Washington Post*. November 7, 2010.

---

³ База данных (в открытом доступе как электронный ресурс до марта 2008 г.: URL: <http://www.mipt.org>; с 2010 г. интегрирована в базу данных Global Terrorism Database, URL: <http://www.start.umd.edu/gtd>).